

Ведущий рубрики: Вячеслав Недошивин, кандидат философских наук

БАЛАМУТ ПО ИМЕНИ БАЛЬМОНТ

БЕСШАБАШНЫЙ ПОЭТ, УШЕДШИЙ ИЗ ЖИЗНИ 80 ЛЕТ НАЗАД,
СРАВНИВАЛ СЕБЯ С КОМЕТОЙ

*Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклады,
Перевертыши, гневные, нежные звоны.
Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей...*

С

Странный господин сошел с поезда в Цюрихе летним днем

1895 года. В костюмчике, мягкой шляпе, ботинках на тонкой подошве — он ничем, кроме легкой хромоты, не выделялся. Странно, что в руках его не было ничего, кроме коробки московских конфет. И удивительно, что вместо адреса ближайшего отеля он лишь спросил: где тут гора Уэтлиберг, а вместо футикулера — не разбирая особо дороги — ринулся прямо к ней. День, вечер и ночь он лез вверх по козьим тропам. Разорвал башмаки, потерял шляпу, испарал руки и только к рассвету оказался на вершине...

Это вот и был Бальмонт.

Седьмое небо

Маньяк, сумасшедший? Нет — Поэт! И штурмовал он не вершину — женщину! Ибо утром горничная санатория на горе вручила помятую коробку конфет черноокой красавице из России — Кате Андреевой.

*1

В. Серов. Константин Бальмонт. 1905 год.

НА ДЕЛЕ ФАМИЛИЯ ЕГО БЫЛА БАЛАМУТ. БАЛЬМОНТ ТАК И УМРЕТ, НЕ СКАЗАВ НИКОМУ О СВОЕМ ПРАПРАДЕДЕ АНДРЕЕ БАЛАМУТЕ, СЕРЖАНТЕ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПОЛКА

«Я пробралась к нему в комнату и еле-еле разбудила его, — будет вспоминать она через полвека. — Он спал как убитый и... не понимал, где он, почему я тут... «Что случилось? — спросила я его. — Говори скорее». Но он, как... ребенок, улыбался... не отрываясь глядел на меня. «Ничего не случилось, я хотел тебя видеть и вот вижу».

Через неделю, прямо из Швейцарии, Бальмонт напишет матери: «Я нашел... счастье... Никогда мне не случалось видеть такого редкого сочетания ума, образованности, доброты, изящества, красоты... Этот год я золотыми буквами запишу в книгу своей жизни... Надо мной небо, и во мне небо, а около меня седьмое небо...»

Баламут из Гумниц

Он объявился в Историческом музее, на первых еще вечерах символистов, где его тут же осмеяли. «Невразумительно, господин Бальмонт!» — кричали из партера. «Нельзя ли читать более понятные стихи?» — «Бальмонт, Бальмонт? — он француз, что ли?» — громко спрашивал соседку какой-то генерал. — «Ну что вы, он поляк, — отвечали из третьего ряда. — Да, кстати, из титулованных...»

И мало кто знал, что поэт был родом из Владимирской губернии, точнее, из Шуйского уезда, еще точнее — из селца Гумница, родового гнезда Бальмонтов.

Да и не Бальмонтов вовсе, если честно...

Друзья звали его «Монт», отсекая первый слог фамилии. Влюбленные дамы величали: «Вайю» (Ветер), «Курасон» (Сердце). Но ни те ни другие так и не узнали, что ударение в его фамилии на втором слоге Бальмонт придумал себе сам. На деле фамилия его была... «Баламут». Он и умрет, не сказав никому, что это имя получил прапрадед его, Андрей Баламут, сержант екатерининского полка. Лишь через два колена, записывая уже деда поэта на военную службу, не-

благозвучное «Баламут» заменит сначала на «Балмут», а потом и на «Бальмонт».

Но если правда, что фамилии наши не случайны, то родовое имя поэта довольно точно выразит суть его. Ведь «баламут», по Далю, значит: «беспокойный, беспокоящий, вздорный, ссорящийся и ссоривший». Тот, кто всё «взбаламучивает». Таким Бальмонт и был, считая, что поэт «скорее комета, чем планета».

Всегда — комета!

Он всегда шел в гору и «напрямки»: в жизни, любви, поэзии. Русак, удалая натура! Перелезал через заборы, кучи снега, переходил рельсы перед паровозом. «Тысячу раз... рисковал жизнью, — пишет та же Андреева, — и... просто чудо, что... оставался цел». То в трактире какой-то капитан едва не закалывает его кортиком. То в парижском кабачке громил-таксист заносит над головой Бальмонта тяжелый графин с водой, когда поэт, защищая даму, бросился на него с кулаками. То забирается на вершину сосны «прочитать ветру лепестковый стих» и, потеряв силы, беспомощно повисает, да так, что его едва спасают. То, зачарованный месяцем на небе, прямо в пальто, бросается в море и идет по лунной дорожке, пока зыбь не смывает с него шляпу...

Он жил в каком-то выдуманном мире друидов, шаманов, колдовства и огненных заклинаний. А в реальном мире его не раз была полиция то в Лондоне, то в Мадриде, дважды сидели в московские тюрьмы, а однажды заперли даже в Консьержери — знаменитую темницу Парижа. Он же в ответ смеялся: «Ах, черт французоз побори: я побывал в Консьержери».

Первое небо

А «первое небо» Бальмонт увидит краем глаза, когда, перевернувшись в воздухе, кинется на мостовую из окна третьего этажа гостиницы. Ему было 23, это была первая попытка само-

*2 Отец Дмитрий Константинович.

*3 Мать Вера Николаевна.

*4 Маленький Коста Бальмонт.

*5 Лариса Гарелина, первая жена.

убийства, и день этот, 13 марта 1890 года, станет в его жизни переломным. Это случилось рядом с нынешней московской мэрией на Тверской. Тут в студенческих номерах отеля «Лувр и Мадрид» он и жил с первой женой, красавицей Ларисой Гарелиной.

Дочь шуйского фабриканта, она была старше его, воспитана по-французски, любила искусство и хотела стать актрисой. Он же был отчисленным из университета студентом, пишущим стихи и пушцово, как все рыжие, краснеющим перед женщинами. И вдруг Лариса смело кладет ему голову на плечо, потом зовет с собой в загородную поездку, потом обещает поделоваться. Голова крутом! Словом, от первого письма Ларисе, где были слова: «Жизнь моя, радость моя», которое он подписал «Ваш навсегда», и до венчания их не прошло и трех месяцев.

Позже рассказывал поэту Волошину:

«Лариса... играла со мной... После первой ночи я понял, что ошибся... Наш первый ребенок умер... от менингита... Мы поселились в номерах «Лувр и Мадрид»... У меня неврастения была... Нам мой товарищ, студент, принес «Крейцеру сонату»... Еще сказал: «Только не поссорьтесь». Я читал ее вслух. И в том месте, где говорится: «всякий мужчина в юности обнимал кухарок и горничных», она вдруг посмотрела на меня. Я не мог и опустил глаза. Тогда она ударила меня по лицу. После я не мог ее больше любить... Мне всё мерещился длинный коридор, сужающийся, и нет выхода. Мы накануне стояли у окна в коридоре номеров. Она... будто отвечая на мою мысль, сказала: «Здесь убится нельзя, только изуродуешься». На другой день я в это окно бросился... У меня был... разорван глаз... правая рука, нога переломаны. Доктора... сказали, что нога зарастет, но рукою я никогда не буду владеть...»

Ошиблись доктора. Рука как раз поправится,

а нога, которая станет короче, сделает его хромым на всю жизнь. Впрочем, нет, не на всю. Когда через сорок почти лет, из-за третьей своей жены, Бальмонт выбросится в окно уже в Брюсселе и вновь сломает, но уже левую ногу, то, после операции, хромота исчезнет — ноги сравняются. Ну с кем, скажите, могло еще случиться такое?..

Да, женился буквально в три месяца. Но на развод у поэта ушли годы. У них родится еще трое детей, двое из которых умрут младенцами, и поэт долгие годы будет жить с наброшенным «арканом на шее»: посылать деньги жене, называть в письмах «милой Ларой» и ко дню ангела посвящать стихи. Он даже удочерит девочку, которая родится у нее не от него.

Но вот судьба: эта девочка, Анна Энгельгардт, через 20 лет станет второй после Ахматовой женой Гумилева, а Лариса, выходит — гумилевской тещей. Впрочем, знак судьбы в другом: обе умрут страшной смертью в блокаду, в 1942-м. И в том же, предельном, году, в Париже скончается Бальмонт.

Так еще раз «первернется» в жизни поэта его первое, самое первое небо.

Два Бальмонта

Он любил любовь. Это было даже главное поэзии. Вернее, стихи в нем «детонировали» не от взрывов четырех войн и трех революций, а от сердечного стука при встречах с женщинами. Андрей Белый, поэт, не без зависти писал, что этот человек с краснеющим кончиком носа всегда был «обвешан» дамами «точно бухарец, надевший двенадцать халатов, халат на халат». Три жены, несколько внебрачных детей, а романов и влюбленностей не счесть.

Одна юная девушка, минутное увлечение поэта, даже юнится из-за него в пропасть под

*6
Екатерина Андреева,
вторая жена.
1880-е годы.

*7-9
Сборники
произведений поэта.

*Душа с душой — как нож с ножом,
И два колотца — взгляд со взглядом.
Коль скажем: «Любим» — мы саждем,
Коль скажем: «Нет» — жизнь станет адом.
И мы друг друга — стережем,
И мы всегда друг с другом — радом.*

Кисловодском. К счастью, останется жива. Но и девиц вроде нее, и светских львиц он научился штурмовать буквально в одну ночь.

Именно так и завоюет Катю, вторую жену.

Она полюбила его за детскость, за доверчивость. Недавно прочел, что Сталин любил, найдя муравейник в лесу, поджигать его с нескольких сторон и смотреть, как гибнет этот мир. А Бальмонт, напротив, часами мог благоговейно сидеть над муравьиной кучей и следить за этой беспокойной жизнью. Любил ботанические и зоологические сады, цирк, ярмарку, базар, где обходил все аттракционы: стрелял в чучел, играл «в лошадки». Дитя, конечно, Катя и после смерти его не без улыбки вспоминала, что, когда толкала его ногой под столом, напоминая, о чем не надо говорить, Бальмонт приподнимал скатерть и смотрел под стол: «Это ты меня толкаешь?» А затем, догадавшись, наивно тараторил: «А что я такого сказал?..»

Ну как было не любить такого, не верить в искренность его чувств?

Живя с Катей, вставал в восемь, к чаю выходил с кюветом газет, в том числе иностранных,

Зайцев, Брюсов, Надежда Тэффи, молодой Бунин, поэт Балтрушайтис, бывал даже Джунковский, друг семьи, который скоро станет губернатором, а Андрей Белый, еще студент, прибегал к нему прямо из университета.

Благодатная картина, не так ли? Это если не знать второго Бальмонта, который порой так чудил, что об этом говорила вся Москва. «Пьянел он от двух с половиною рюмок, — пишет Белый, — врвался в передние добрых знакомых; прижав свою серую, несколько декоративную шляпу к груди, — красноносый и золотоглазый... с серым мешком холстяным: под рукой; вынимались бутылки из недр мешка; и хозяйка шептала: «Не знаю, что делать с Бальмонтом». Мы тоже — не знали...» Мог, уведя из-за стола приехавшего из Петербурга поэта Вячеслава Иванова, всю ночь таскать его по каким-то притонам, а утром, купив на Сухаревке копченого сига и мороженой клюквы, «заналиться» к Брюсову...

Но хуже, когда уходил в ночь один.

Тогда с него могли снять шубу (как было однажды), забрать в участок за драку в кабаке, тогда он мог напропалую читать стихи лакеям и

*10

М. Шафран.

Чествование

К. Бальмонта в

«Бродячей собаке».

Карикатура. 1913 год.

Чествование К. Бальмонта в «Бродячей собаке», 1913. Карикатура М. Шафрана

Афоризмы Д. К. БАЛЬМОНТА.

Чаша твоя томит, чаша страшна
грозом, чаша дрен шипит, дренка из
облачных сезонов выдула.

Валей умел вилкой выкопать из твоей,
что мы можем быть такими и грубы, ко-
гда мы можем быть ласки и вечно-во-
дунки. Мы рождем дитя, которое не
ведет. Мы даже оспариваем, как су-
ществование. Мы глупо шептаем, когда
шучит музыка.

Мы не любим врать ни себе и го-
ворить ни другим. Мы ослепно ищем
из счастья ласки, из счастья ни-
чтожности, в потеху, мы же заставляем
из дурака, созданной рабы.

Мы живем в эпоху дикой, фунда-
ментальности по труду, из отсутствия,
из жизни лучшими. Нужно разрушить
этой дикой и поспешить асфальт. Мы ждем,

мы оспариваем. Неужели же кто-то
запрещает все, что полагается нам
чуждо и тирет мысль?

Плати себе волею среди воли, за-
води, и извольте-сладким звуком
среди звуков, быть спутником со звуком.
Мы быть можно с молчаливо-большого
статья быть.

Любовь есть жалкое братство, тая-
ственно социальное с нашей душой.

Мы живем в смутное, разорванное
время, разорванное, как туча, которая
проникнула от одного конца неба до
другого и выражается из себя ма-
ния.

Правильность истинности есть действитель-
ность истинности.

С НЕГО МОГЛИ СНЯТЬ ШУБУ, ЗАБРАТЬ В УЧАСТОК ЗА ДРАКУ, ОН МОГ ЧИТАТЬ СТИХИ НАПРОПАЛУЮ ЛАКЕЯМ И ПРОСТИТУТКАМ И ОТ НАХЛЫНУВШИХ ЧУВСТВ ПОДАРИТЬ ДОРОГИЕ ЧАСЫ ИЗВОЗЧИКУ

знал, говорят, 15 языков. До часу работал: пи-
сал, читал («уписывал целые библиотеки», — го-
ворил Белый), переводил. Стихов, представьте,
сочинял по несколько в день — клал около посте-
ли бумагу и карандаш, так как даже ночью про-
сыпался с готовым стихотворением. А вечерами,
выкурив последнюю, десную египетскую папи-
росу (его норма!), сидел с семьей, читал что-либо
вслух, или приглашал гостей. Приходили Борис

проституткам и, от нахлынувших чувств, вдруг
подарить извозчику часы, которыми дорожил.
Наутро бывал сконфужен и не верил Кате, ког-
да она показывала ему разбитую лампу, сожжен-
ную занавеску, порванную книгу...

Но что лампа и занавеска, если в его доме
раскалывалась сама жизнь! Ведь именно сюда
из Парижа в 1902 году приехала за Бальмонтом
новая любовь с фиалковыми глазами — дочь ге-
нерала Цветковского — Елена, та, которая, как
и он, умела любить, ни с кем и ни с чем не счита-
таясь.

Любовный треугольник

«Он разрывался между нами, — вспоминала
Катя, — не желая потерять ни ее, ни меня. Больше
всего ему хотелось... жить всем вместе».

*11

К. Бальмонт.

Афоризмы. «Новое

Слово». 1910 год.

Но этого, как скоро выяснится, не желали ни одна, ни другая...

Кате в письме 1920 года, навсегда покидая Россию, он признается: «Любимая. Ты лучше всех, ты дала мне узнать, какой высокой бывает женская душа. Счастье любить тебя, и, любя других, все-таки любить тебя...»

Любя других, все-таки любить — в этом весь Бальмонт. Да, их любовный треугольник разрубил 1920 год. Тогда все кончилось для Кати, она осталась в России, и от поэта ее навсегда отрезали десятки границ. И в том же году всё, казалось, начиналось для Елены, которая эти границы пересекала с ним, если бы...

Если бы для любви Бальмонта — этой безумной кометы, вечно ищущей счастья! — существовали хоть какие-нибудь границы...

Время и пространство — вот на что замахивался Бальмонт. Он именно их мечтал покорить. «Я ходил... по продолжности времен и по зыбям... пространства», — написал Брюсову. А в 1914-м сказал, что теперь в пространстве и времени хочет «полной свободы». «Кто больше имеет прав на свободу, чем я, певец ее?»

О, великие иллюзии XX века! Очистительные революции, еретические истины, борьба классов, страстное желание новой, небывалой еще России! Мог ли Бальмонт, «играющий гром», остаться в стороне? Он ведь еще мальчишкой признался брату: «На всех нас лежит обязанность улучшать... «свет», в котором... живем».

В 1905-м строит баррикады, добывает где-то револьвер и всем, словно игрушку, показывает его, хотя за это полагалась тюрьма, сотрудничает (правда, меньше месяца) в одной газете с Лениным и до хрипоты ораторствует на площадях. В университетском дворе полиция даже стащит его с тумбы и арестует, да студенты, затеяв драку, отоьют. Он ответит «красным» стихом: «Был я занят сам собой, Что ж — я это не таю. Час прошел. Вот — час другой. Преду мною вал морской. О рабочий, я с тобой, Бурю я твою — пою!» Потом выпустит «Песни метателя», за ввоз которых в Россию будут давать каторгу. А сборник «Злые чары» не только конфискуют, но, может, впервые в XX веке сожгут на костре.

Короче, он столько наломает дров, что придется спешно и тайно бежать в Париж — в Москве расклеивали портреты его, прося граждан задержать подстрекателя к бунту. Бежит с нынешнего Белорусского вокзала, в свете лампы у окна любимое лицо жены — Кати Андреевой. Бежит и не знает, что через семь лет, когда будет объявлена амнистия по случаю 300-летия дома Романовых, здесь же, на Белорусском, его будут встречать уже как героя. Толпы народа, фотографы, репортеры, цветы, писатели Брюсов, Балтрушайтис, Зайцев. Кто-то гаркнет экспромт: «Из-за туч Солнца луч — Гений твой. Ты могуч, Ты певуч, Ты живой».

*Если хочешь улыбнуться, улыбнись.
Хоть не хочешь обмануться, обманись,
Хочешь птицей обернуться, прилай птиц.
Пропасть с пропастью на дне зеном сошлись...*

* 12, 14
35 книг стихов,
20 прозы...

* 13
К. Сомов. Обложка книги Константина Бальмонта «Жар-птица». 1907 год.

* 15
Бальмонт и Городецкая с женами Анной Городецкой и Екатериной Цветковской (слева). Санкт-Петербург. 1907 год.

Но важнее ему покажутся тихие слова дочери Нины, сказанные Кате Андреевой, когда шли к ожидавшей их машине: «Разве папа такая знаменитость? Я... этого не знала...»

В 1918-м она, вместе с матерью, будет читать его письмо: «Жизнь в Москве... зловещий балаган... Россияне... еще не отдают себя отчета... что на Россию брошена мертвая петля». Когда его доставят на Лубянку, где подслеповатая, в пенсне, чекистка спросит его: «К какой... партии принадлежите?», яростно ответит одним словом — «Поэтов»...

Семнадцатый год разведет его не только со страной, но и, самое страшное, с Катей. Точнее — разъединит, ибо расстались они (не расстава-

*Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все кругом мертво...
Можно все заветное покинуть,
Можно все бесследно разлюбить.
Но нельзя к мигу即逝у остынуть,
Но нельзя в прошлом позабыть!..*

*16

Константин Бальмонт
и Елена Цветковская.
Вторая половина
1930-х годов.

*17

С Иваном Шмелевым
в эмиграции.

ОДНОГО НЕ ЗНАЛ НАШ ГЕРОЙ, ЧТО 1917 ГОД —
ТОЖЕ «СЕДЬМОЕ НЕБО» ДЛЯ ВЗДЫБЛЕННОГО ОБЩЕСТВА —
РУХНЕТ И НА ЕГО БЕСШАБАШНУЮ ГОЛОВУ

ясь, заметьте!) лет за пятнадцать до этого. Из-за той самой дочери генерала, Елены Цветковской, ставшей третьей женой Бальмонта.

Любовь и жертвы

За что его любила Россия — понятно! А вот за что любили женщины? Да еще так? Помните, одна девушка бросилась из-за него в пропасть. Другая, потратив на него всё свое состояние, уже обнищав, зарабатывала шитьем гроши лишь для того, чтобы покупать поэту подарки (его, говорят, и в старости, как ребенка, нельзя было оттащить от шикарных парижских витрин). А третья женщина, трудно поверить в это, потакавшая пьяному капризу его, больная, в фурункулах, просидела с ним как-то всю ночь на парижском бульваре и, будучи в легком платье, к утру натурально примерзла к скамье, да так, что, встав вслед за поэтом, оставила на скамье с лоскутами платья и лоскуты кожи своей.

Это была как раз она — Цветковская.

Париж, 1902 год. Он читал лекцию в Сорбонне. Ему 35, ей, юной студентке математического факультета, 19. Нагнав его в дверях аудитории, она набралась духу и призналась: все стихи его знает наизусть. Пошли в кафе, потом в другое, всю ночь «блуждали по городу». А дальше случилось то, что поразит его на всю жизнь. Когда кафе закрылись (а он не хотел

возвращаться к семье, к Кате Андреевой нетрезвым), Цветковская повела его в свой пуританский пансион, откуда за это — она знала — ее немедленно выкинут.

Встреча их стала роковой — они будут вместе 40 лет.

Цветковская «ухватила за Бальмонта», напишет Екатерина Андреева, со всей силой первой страсти. Она обожала его при ней, при всех, ни с кем, как и Бальмонт, и ни с чем не считаясь. Чтобы говорить с ним по-английски, стала изучать сначала его, затем испанский, польский, итальянский, все те языки, которые знал и он. Даже писать стала, говорят, его почерком. И если Андреева, жена, прятала от поэта бутылки, искала врачей, лечивших от пьянства (их всех оптом он звал «идиотами»), то Цветковская, напротив, не только исполнила все его «хочу», но наравне пила с ним. И, уводя к себе, выставляла на стол вино в причудливых бокалах, изысканные фрукты, зажигала свечи, а сама усаживалась у ног внимать стихам его — любимая поза.

Он стал звать ее Элена, она его Вайю (Ветер). Словом, с 1904-го Цветковская, как пишет Андреева, «уже неукоснительно следовала» за ними и селась рядом, где бы они ни жили: по соседству в доме, в комнатке над ними, на веранде под ними. Андрееву в глаза величала «царицей» и клялась, что преклоняется перед ней. Александр Бенуа, художник, живший одно время неподалеку, назвав Цветковскую «втирушей», не раз видел их вместе: крупно шагавшего поэта — борода в небо — и еле поспевавшую за ним ее, щупленькую, в развевавшейся тальме, словно птицу раненую.

Кстати, Бенуа первый скажет: Цветковская в этом «треугольнике» — жертва.

Да, Цветковская станет жертвой его, как навсегда станут «жертвами» Бальмонта и

*18

Мирра Лохвицкая.

*19

Дагмар Шаховская.
1920-е годы.

Мирра Лохницкая, поэтесса, в честь которой он назовет свою дочь от Цветковской, и Анна Иванова, племянница Кати Андреевой, которую любил и за тихий нрав звал «Мушкой», и Мила Джалалова, балетная плясунья с зелеными глазами, и норвежка Кристенсен, с которой встречался лет двадцать, и грузинка Канчели, и японка Ямагата. Это не все его женщины, я называю лишь самые громкие романы его. Даже в последний год жизни в Москве у него вспыхнет еще одна любовь — Дагмар Шаховская, которая родит ему сына, а затем, уже в эмиграции, в Париже, еще и дочь.

Многоженец какой-то — как иначе сказать? Причем многоженец по убеждению. Той же Шаховской напишет: «Если я, полюбив Елену, не разлюбил Катю и, полюбив Нюшу, не разлюбил ни Елену, ни Катю, и, полюбив тебя, не разлюбил ни ту, ни другую, ни третью, в этом безумная трудность, а... не слабость. Поверь.

впервые и услышал игру композитора. Здесь бывали Рахманинов, Вячеслав Иванов, Леонид Пастернак и его сын Борис, Цветаева, которая подружится с женой композитора. И, конечно, Бальмонт. «Скрябин любил при нем играть вечером, при полупотушенных лампах, Бальмонт же читал... стихи, — вспоминал друг этого дома, музыковед Сабанеев... — Два больших художника соревновались незаметно даже для... себя... После его ухода Скрябин говорил: «Он, право, очень милый, такой немножко задорный, забавка, в нем есть мальчишество... Но он тонкий и много понимает...» А Татьяна Федоровна, жена Скрябина, и после смерти мужа не только всюду защищала поэта («Не смейте обижать его... он так дивно сказал про Сашу «он целует звуки пальцами»»), но даже пустила его и Цветковскую жить к себе.

Здесь сейчас музей Скрябина, вощеные полы, картины, море света. А в 1919-м, когда не

Не сила, а слабость — разрывать узы... Этого я не могу по чувству и по убеждению».

Переулок расставаний

Интересно, помнят ли дома и переулки своих обитателей? Большой Николопесковский, последняя улица поэта в Москве. Жил здесь в двух почти соседних домах. В доме 15 с Катей Андреевой, с которой не мог расстаться, и их 16-летней дочерью Ниной снимали квартиру на первом этаже. А в доме № 11, в особняке великого Скрябина, поселился чуть позже уже с Цветковской и 9-летней дочерью их Миррой. Опять жил на два дома, и если завтракал у одной, то ужинал непременно у другой.

Пока для всех не наступил голод.

Если придете к дому Скрябина под вечер и дождетесь, пока в окнах вспыхнут огни, то иногда — если вам повезет! — услышите музыку. Это роуль, это там, за окнами, кто-то «целует звуки пальцами...» Так еще в 1913 году Бальмонт сказал Скрябину, когда пришел сюда

было электричества, когда лопнули трубы и не работал водопровод, когда Цветковская и дочь поэта спали тут прямо в шубах, Бальмонт, не изменив привычкам, каждое утро ставил здесь таз и, раздевшись донага, обливался ледяной водой. Так поддерживал в себе «жизнеподобие». И, с манерами испанского гранда, в белоснежном высоком воротничке (он знал какую-то тайну сохранения в чистоте этих воротничков), невозмутимо шел разбирать на дрова очередной забор, на рынок за пшенишкой, на лекции, где зарабатывал «звенящие возможности» (так называл деньги), или к немногим друзьям в «Кафе поэтов».

Там-то, у «Кафе поэтов», в сумерках уже, с ним и произошел однажды загадочный случай. На пустой улице, где гулко стучали его шаги, перед ним, «как из воздуха», выросла вдруг женщина. «Дяденька, где мой дом?» спросила она поэта. Он похолодел. Женщина была в валенках, в длинном кафтани, похожем на монашеское одеяние. «Где мой дом?» — снова спросила она. Он ответил, что не знает. «Ты знаешь, ты знаешь, дяденька, — уверенно сказала она. Он

* 20
Поэт Юргис
Балтрушайтис.

* 21
Большой
Николопесковский
переулок, 15.

* 22
Особняк Скрябина
в Большом
Николопесковском
переулке, 11.

тут... близко. Покажи мне, где мой дом». Лицо ее было нечетким, но не безумным. «Какой-то вихрь закрутился у меня в голове, вспоминал он. К сердцу хлынула горячая волна, и мне... захотелось... привести эту женщину на какой-нибудь двор, сесть с ней рядом... и обнять ее».

Когда он добрал до кафе, Цветаева, увидев его, всплеснула руками: «Братик, что с вами?» А услышав рассказ, вдруг стала торжественной и взяла его за руку: «Она должна была к вам прийти, сказала. Должна. Ведь это же к вам приходила Россия»...

«Пил я счастье...»

Запомните этот переулочек: переулочек встреч и расставаний поэта! Отсюда в мае 17-го года он проводит Катю на вокзал, как выяснится, навсегда (она повезет дочь на Урал всего лишь на лето, а вернется из-за Гражданской войны лишь через три года). На вокзале — о, ужас! — он в давке и суете потеряет Катю, и она из окна вагона будет долго видеть, как ее «Рыжик» близорукими глазами пытается отыскать ее. Видеть, не понимая еще, что смотрит на него, с кем прожила почти тридцать лет, последний раз... И отсюда же, из этого переулочка, 21 июня 1920 года он вместе с Цветковской отправится в эмиграцию, фактически в вечность.

Дочь Цветаевой припомнит потом, что проводы ему устраивали дважды: в доме 15 и в доме 11. Не все это запомнит. Будут писать о ералаше прощания в табачном дыме и самоварном угаре, о чае «в безукоризненном фарфоре» и грустных шутках. Но все запомнит, что, когда грузовик литовского посольства, который, как и визы, устроил поэт Балтрушайтис (этим и спас поэта!), тронется отсюда на вокзал, Бальмонт встанет в кузове и, сняв шляпу, будет махать ею до поворота на Арбат...

Он умер под Рождество 1942 года, выйдя из нищей психушки, где ему, Косте Баламуту, связывали руки и ноги. Похоронят Бальмонта в могиле, полной воды, — гроб придавят палками, чтоб не всплывал. Кончится его время, а пространство сожмется до ямы под Парижем.

*Как пойдуя на далекий косогор,
Как взглянув на беду свою в упор,
Придорожные ракиты шелестят,
Пил я счастье, вместе с медами выпил яд...*

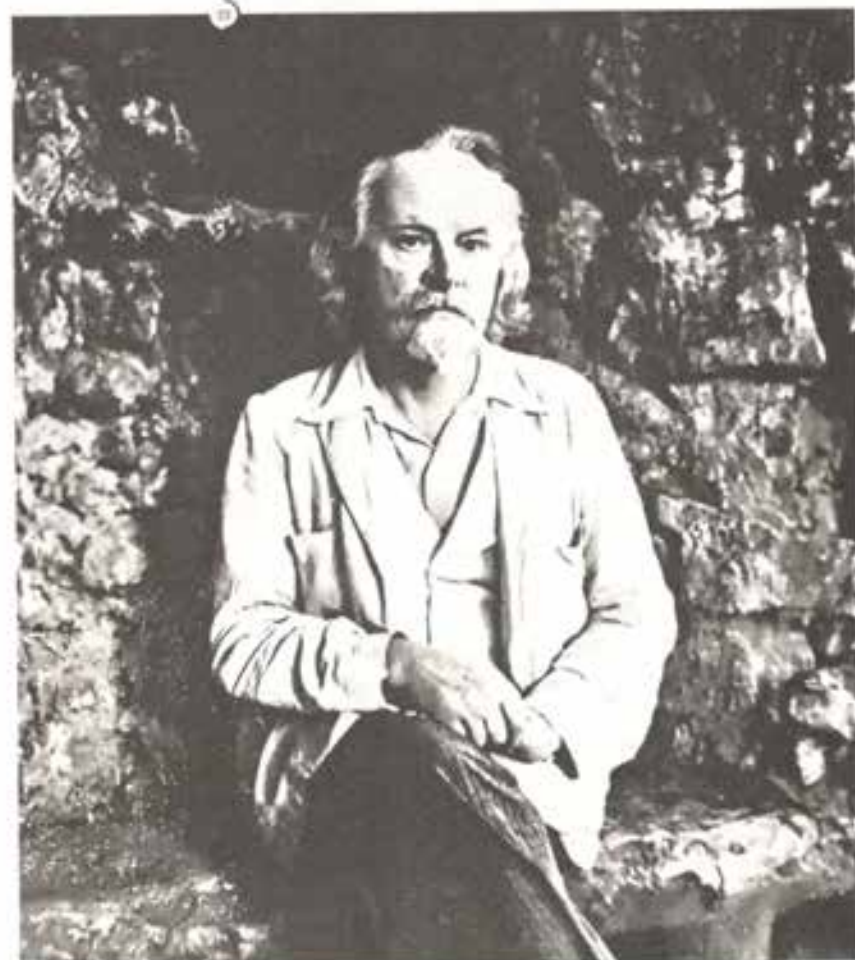
«Великим тружеником» назовет его Цветаева. Это правда — 35 книг стихов, 20 книг прозы, более 10 000 страниц переводов с 15 языков. И мало кто знает, что в 1923-м его, вместе с Бунным и Горьким, выдвигали на Нобелевскую.

*23

М. Цветаева. Портрет К. Бальмонта. 1936 год.

*24

Могилы Константина Бальмонта и Елены Цветковской-Бальмонт в местечке Нуази-ле-Гран под Парижем.

Москва, май 1920 года, Дворец искусств на Поварской. Остатки интеллигенции празднуют 30-летие творчества Бальмонта. На сцене в кресле сидит поэт, в руках

роза-пион. Говорит о мечте, о новом «седьмом небе» — союзе всех поэтов мира и о равенстве — о «несправедливости накрытого стола жизни для одних и объедков для других». Выступают многие, но возразил лишь Салосуб, поэт. «Не надо равенства, — отверг Салосуб. — Поэт — редкий гость на земле. Среди миллиона — один настоящий...»

Святая ведь правда! Он и сегодня, как в тот май, на миднао — один. Сверкнувшая комета на небе, с которой сравнил себя когда-то,